

МОЛОД. СТАЛИНЕЦ
САРАТОВ. САР. К

20

9 6 FEB 1935

ТЕАТР

„Аида“ на сцене саратовского оперного театра

Опера «Аида» занимает особое место в творчестве великого итальянского композитора Верди. Молодой Верди начал с так называемой «мелодической оперы», т. е. с такой, в которой красивое пение, красивая ария и красота звукования человеческого голоса стояли на первом месте, часто в ущерб смыслу не только сюжета, но даже отдельных слов.

В «Аиде» Верди, оставаясь великим мелодистом, умеет связать мелодию с драматическим содержанием, поставить ее на свое место — так, чтобы она была органической частью вокально-драматического целого; слить музыку с действием, и все это в великодушных, пышных, по своей театральности и звучанию, картинах. «Аида» — одна из замечательнейших музыкальных драм. Фундаментальная по стилю, но богатству мелодий, по яркости красок и цельности. Сюжет взят из древне-египетской жизни.

Но этот Египет — не исторический, не подлинный, а оперный, подчиненный музыкальным образам и театральной декоративности. Самые музыкальные образы несут на себе печать современной Верди буржуазной культуры. Под видом древних египтян и эфиопов действуют и чувствуют египтизированные европейцы — любят, ревнуют, мстят и борются так, как это свойственно людям той культуры, к какой принадлежал сам композитор. От идеологии и психологии своего класса не

уйдешь. Это особенно чувствуется, например, в изображении эфиопского царя Амонасро.

Обыкновенно его показывали «дикарем», «варваром» — всклокоченным страшилицем в противоположность изысканным персонажам империалистического Египта: Радамесу, царю, верховному жрецу и другим «египтянам».

На сцене нашего оперного театра сделана попытка дать постановку «Аиды» в этом пышном, фундаментальном, оперно-декоративном, стиле. Эта попытка удалась лишь отчасти. Удачно подводит музыкальный фундамент под мощное оперное здание «Аиды» Павлов-Арбенин. Оркестр звучит внушительно в ансамблевых, массовых сценах и с тонкой выразительностью, притом без малейшего нажима на звук, в моментах драматических — например, в сцене объяснений перед судом, Радамеса с Амнерис. Стройно поет хор. Приемлем балет (священные танцы). Но уже оформление встречает серьезные возражения, особенно в костюмной части. Здесь произвольная декоративность, с расчетом на внешний эффект, ломает единство стиля. Костюмы не столько красочны, сколько пестры. На Амнерис шелк, парча, бисер, которых, к слову сказать, не знал древний Египет. Постановщики и художник правильно сделали, изобразив Амонасро не кровожадным дикарем, а борцом за свободу своего народа, чело-

веком близким по культуре к египтянам. Но костюм Амонасро слишком наряден, слишком праздничный, слишком «с иголочки» для бойца, взятого в плен во время кровавой схватки. Объемные декоративные установки не могли бы встретить возражения, но рядом с ними — довольно небрежно написанный живописный задник с изображением лишенных перспективной убедительности пирамид (сцена у храма на берегу Нила).

Слабая сторона постановки — содвиги. У всех прекрасные голоса: у Бригине-вича — Радамеса, Станиславовой — Аиды (артистка легко покрывает своим прекрасным звучным голосом самые сильные ансамбли), Лии Грин — Амнерис, Колобова — Амонасро, Стрункова — верховного жреца, Аникиенко — царя, но лишь немногие из них в своем пении приближаются к тому, что требуется от исполнителей вердиевской оперы, — красивому, изящному, изощренному вокальному мастерству. Но общая стройность и сложность спектакля берет свое, и слушатель живо и дружно реагирует на прекрасное создание Верди.

Н. АРХАНГЕЛЬСКИЙ